

ВОЕННО-МОРСКИЕ ДЕЙСТВИЯ НОВГОРОДЦЕВ ПРИ ОТРАЖЕНИИ ОРДЕНСКОЙ АГРЕССИИ

1443—1448 гг.

И. Э. КЛЕЙНЕНБЕРГ

Русское мореплавание на Балтийском море в период феодальной раздробленности и начала объединения русских земель в единое государство — это мореплавание Новгорода Великого. Объектом серьезного изучения дела новгородских мореходов стали лишь в советское время. Дореволюционные историки считали, что говорить о русском флоте на Балтике можно только с царствования Петра I, и не придавали большого значения предшествовавшим плаваниям новгородцев. Часть исследователей даже отрицала наличие морского флота у Новгорода Великого¹. Такая точка зрения дворянско-буржуазных историков русского мореплавания дала автору новейшей зарубежной «Морской истории России» М. Митчелу повод заявить, что «трудно найти где-нибудь (в русской исторической литературе.— *И. К.*), чтобы сами русские претендовали на то, что они обладали какой-нибудь реальной морской силой до эпохи Петра I»². Поэтому он в своем труде совсем обходит новгородский период русского мореплавания на Балтийском море, заявляя, что «никогда до времени Петра Великого русский торговый флот не бороздил воды Балтики»³.

Советские исследователи, привлекая широкий круг источников, установили истинный характер и судьбы новгородского мореплавания на Балтийском море⁴.

¹ См. А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, стр. 31; см. также М. Н. Березков. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в., СПб., 1879, стр. 254—255; Е. Н. Квашнин-Самарин. Морская идея в Русской земле, СПб., 1912, стр. 10—16; Е. Аренс. Страницы морской истории. «Морской сборник», 1919, № 2, стр. 1—24.

² М. Mitchell. F. R. G. S. The Maritime History of Russia 848—1948, London, 1949, p. 315.

³ Ibid., p. 289. Следует отметить, что такая точка зрения Митчела среди английских историков является шагом назад. Ф. Т. Джейн, написавший в конце прошлого века историю русского военного флота, считает, что в XI—XVII вв. существовали русские военно-морские силы (подобные английским в период нормандских королей), действовавшие также и на Балтийском море. В качестве примера он приводит Невскую битву (F. T. Jane. The Imperial Russian Navy, its Past, Present and Future. London, 1899, pp. 40—41).

⁴ «Боевая летопись русского флота», под редакцией Н. В. Новикова, М., 1948; И. Н. Шаскольский. Сигтунский поход. «Исторические записки», 1949, № 29, стр. 135—163; Н. А. Казакова. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV веке. «Исторические записки», 1949, № 28, стр. 111—131; В. В. Мавродин. Начало мореходства на Руси, Л., 1949; Его же. Русское мореходство на Балтийском море в XIII—XVI вв. «Ученые записки Ленинградского гос. университета имени А. А. Жданова», Л., 1956, № 205, сер. ист. наук, вып. 24, стр. 167—178; «История военно-морского искусства», отв. ред. Р. Н. Мордвинов, т. I, М., 1953, стр. 80—95.

Наименее изученным остается до настоящего времени новгородское мореплавание в XV в. Только в работе Н. А. Казаковой находим обильный материал о развитии с конца XIV в. заморских поездок новгородцев, о частом посещении ими таких стран, как Ливония, Пруссия, Швеция. В 20—30-х годах XV в., как показывает Н. А. Казакова, характер торговой политики Новгорода меняется. Ее основной целью становится получение от Ганзы гарантии «чистого пути» за море для новгородских купцов⁵. Однако случаи применения новгородцами своего флота при обороне Русской земли от усилившейся в середине XV в. агрессии ливонских рыцарей и шведов, т. е. военно-морская деятельность новгородцев на Балтийском море, остались до последнего времени вне поля зрения авторов, изучавших историю русского военно-морского флота⁶.

Настоящая работа ставит своей задачей путем сопоставления русских и немецких источников, относящихся к борьбе Новгорода против агрессии Ливонского ордена в 1443—1448 гг., дать описание военных действий новгородского флота и определить значение этих действий для окончательного исхода войны, которую Орден начал с целью разбойничьего захвата новгородских земель и которая закончилась одним из крупных поражений, понесенных рыцарями от русского оружия.

Дополнительной целью работы является опубликование в русском переводе наиболее существенных для разбираемой темы выдержек из немецких источников, которые, несмотря на их большой интерес для истории Северо-Западной Руси, еще не переводились на русский язык⁷.

Используемые в настоящей работе немецкие источники представляют собой оригиналы или копии деловой переписки орденских властей, сохранившиеся в прусских архивах⁸. Как документы, не предназначенные для разглашения, они более правдиво описывают орденские поражения и потери, чем прусские и ливонские хроники, которые обычно умалчивают о неудачах рыцарей. Достоверность сведений большинства использованных немецких источников может быть подтверждена сопоставлением их с русскими летописными данными. К событиям, которые только лаконично упомянуты в летописях, ливонские источники добавляют много интересных деталей, что позволяет представить яркую и подробную картину героической защиты новгородцами рубежей Русской земли от западных агрессоров.

* * *

В середине XV в. Новгородская феодальная республика доживала последние десятилетия своей самостоятельности. Боярская олигархия, боясь потерять власть, всеми силами противодействовала прогрессивной объединительной политике московских великих князей и в феодальной войне поддерживала главу удельно-княжеской оппозиции Дмитрия Шемяку. Одновременно значительная часть боярства ориентировалась на Литву. В таких условиях единственным, что еще являлось объективно прогрессивным в политике новгородских правящих кругов, была их борьба

⁵ Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 123—125.

⁶ В кн. «Боевая летопись русского флота» (М., 1948, стр. 15) за весь XV в. не отмечено ни одного боевого действия новгородских кораблей на Балтийском море. Только в последней работе В. В. Мавродина приводится одно свидетельство Псковской летописи, указывающее на использование новгородцами своих кораблей в военных целях во время войны с Орденom в середине XV в. (В. В. Мавродин. Русское мореходство на Балтийском море, стр. 175—176).

⁷ В оригинале эти источники из-за архаичности и диалектности их языка недоступны для читателя, не имеющего специальной филологической подготовки.

⁸ Они опубликованы в десятом томе Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch, hrsg. von F. G. v. Bunge u. a. Bd. X, Riga—Moskau, 1896 (Далее — LUB, X, где римская цифра обозначает том, а последующие арабские цифры — номера цитируемых документов).

ба против посягательств Ордена на русские земли. В этой борьбе новгородские бояре могли еще рассчитывать на поддержку народных масс.

Война, которую Новгород был вынужден вести с 1443 по 1448 г. с Ливонским орденом и его союзниками, была типичной оборонительной войной Новгорода против агрессии Ордена. Осенью 1443 г. Орденом было вероломно и трусливо совершено первое нападение на новгородскую территорию, положившее начало открытым военным действиям⁹. Эта затянувшаяся на пять лет война состояла, как все войны того времени, из отдельных походов и велась как на суше, так и на море. Она продолжалась, прерываемая переговорами и перемириями, до 25 июля 1448 г., когда между Новгородом и Орденом был заключен мирный договор на 25 лет¹⁰.

Первое известие о подготовке новгородцами военно-морской операции в эту войну мы находим в письме шведского наместника в Выборге Карла Кнутссона одному из орденских начальников. Письмо датировано 20 мая 1444 г.; в нем Карл Кнутссон пишет: «Знайте, дорогой друг, что я послал своего человека на Неву, чтобы узнать новости. Там он разведал, что русские подготовились к войне наилучшим образом, как только они могли, и намерены прямо сухим путем выступить к Нарве. Кроме того, они хотят 2500 человек отправить туда на лодьях. Но ему никак не удалось спросить, сколько лодей их туда повезут. И эти самые лодьи должны отвезти туда весь их провиант и снаряжение. Предупредите об этом достопочтенного магистра, да и сами учтите это. Я охотно написал бы все это лично магистру, но я не хочу так долго задерживать гонца. Ибо мой посланец выехал из Орешка и прибыл ко мне в Выборг уже в прошлую среду [13 мая 1444 г.— *И. К.*]...»¹¹.

Известие о морских приготовлениях новгородцев, дошедшее до Ордена и из других источников, вызвало в его правящих кругах немалое беспокойство и тревогу. Уже 24 мая 1444 г. магистр направляет из Риги письмо-директиву магистрату города Таллина, в котором предлагает провести экстренные мероприятия, направленное против морского похода новгородцев. Магистр пишет: «Так как до нас непосредственно одно за другим дошли известия..., что новгородцы с большой силой, с многими лодьями... намерены нанести ущерб нашей стране как на море, так и на суше, то мы... подробно рассмотрели вопрос о том, как исключительно полезно, а также и необходимо было бы..., чтобы в этой нашей общей беде задержать те корабли, которые находятся у вас в Ревеле, и нанять их команды вместе с кораблями для похода против русских — наших врагов... И побудить их к этому следует по-доброму, не считаясь с расходами... Мы полагаем..., что будучи задержанными, они [корабли.— *И. К.*], может быть, в самом скором времени смогут оказать пользу нам и нашей стране, а затем еще успеют своевременно снарядиться и уплыть...»¹².

Этот документ показывает, какое большое значение придавал противник одному лишь известию о морских приготовлениях Новгорода.

Но намеченный новгородцами сухопутно-морской поход на орденские

⁹ Об этом рассказывает новгородская летопись: «Тои же осени пришедиши Нѣмциѣ у Ямѣ города посад пожьгоша и берег повоеваша, а в Новѣгород прилаша: «Мы вас не воюемъ, а воюеть васъ князь Григорий изъ заморья Клевѣский про своего проводника Итолка Ругодивца»; а то все лгаша Нѣмци» (НПЛ, М.—Л., 1950, стр. 423—424). Обстоятельства этого дела следующие. В 1439 г. у путешествовавшего по новгородской территории западногерманского феодала, клеветского князя Гергарда (Gerhard von Kleve) был убит в Яма-городе его проводник и переводчик (толк), нанятый им из числа нарвских жителей (ругодивец). Орден, совершив осенью 1443 г. набег на Яма-город и желая выиграть время и отсрочить ответные действия новгородцев, пытался представить разорение ямского посада и околородья как частную месть клеветского князя за убийство его проводника (см. Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V, СПб., 1842—1843, стр. 175—176).

¹⁰ ГВН и П. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, № 73.

¹¹ ЛУВ, X, 50.

¹² ЛУВ, X, 51.

земли, по-видимому, не состоялся, так как новгородская летопись под 6952 г. пишет: «...А новгородцы послаша сельников луских и вочких и ижерских бояръ наперед, а сами хотѣша ити с ними за Нарову воевати с княземъ Иваном Володимировичемъ. И в то же время, по грѣхомъ нашимъ, начаша кони мрети в городе и по волостем вельми много; новгородци же въспятишася и не поидоша за Нарову»¹³. Действительно состоявшийся морской поход новгородцев в эту войну произошел в 1447 г. Он привел к морскому сражению, закончившемуся победой русских, и стал одним из основных военных факторов, повлиявших на благоприятный для Новгорода исход войны.

Военно-политическая обстановка, сложившаяся к 1447 г., заставила Орден наметить на вторую половину лета этого года решительные военные действия. Так как предыдущие годы войны доказали Ливонскому ордену, что он не в состоянии одними собственными силами одержать верх над Новгородом, то он начинает усиленно искать поддержки и союзников вне Ливонии. В первую очередь ливонские рыцари заручились активной помощью со стороны великого магистра Ордена в Пруссии, который ревностно взялся за организацию похода. Грабительской войне немецких феодалов Ливонии усиленно придавался характер войны религиозной, которая якобы должна была служить распространению истинной христианской веры¹⁴. От папы римского было получено разрешение израсходовать на ведение войны суммы, вырученные в орденских владениях за продажу индульгенций¹⁵. К участию в крестовом походе против схизматиков-русских приглашались: император Фридрих, немецкие князья и рыцари, а также глава Ганзейского союза Любек¹⁶. Так как Новгород в это время испытывал большой недостаток в хлебе, то еще в 1446 г. Орден обратился к властям Пруссии, к трем скандинавским государствам и Ганзе с просьбой поддержать объявленный им строжайший запрет на вывоз хлеба в места, из которых он так или иначе мог бы попасть в Новгород¹⁷. С датским королем Христофом III, одновременно бывшим также королем Швеции и Норвегии, Орден заключил в январе 1447 г. наступательный союз против Новгорода сроком на два года¹⁸.

Все это говорит о том, какое большое значение Орден придавал походу 1447 г., надеясь одним ударом объединенных ливоно-пруско-шведских сил разгромить новгородцев и решить исход войны в свою пользу. В результате всей этой деятельности, направленной на собиранье сил для крестового похода против новгородцев, Орден реально получил: во-первых, поддержку деньгами со стороны Ватикана, во-вторых, значительную помощь войском и припасами из Пруссии и, в-третьих, договорное обязательство Швеции одновременно с Орденом начать военные действия против Новгорода со стороны своих владений в Карелии¹⁹.

Поход должен был начаться 24 июня 1447 г., когда истекал срок перемирия с Новгородом. Войска Ливонского ордена концентрировались

¹³ НПЛ, стр. 424. О дальнейшем ходе войны новгородские летописи известны больше не содержат, их дополняют в этом отношении псковские летописи, а также смоленская «Летопись Авраамки», составленная в 1495 г., причем ее автор пользовался для 1446—1469 гг. не дошедшими до нас текстами новгородского Софийского владычного свода (см. ПСРЛ, т. XVI, СПб., 1889).

¹⁴ LUB, X, 325.

¹⁵ LUB, X, 308; «Русско-ливонские акты, собр. К. Напьерским», СПб., 1868, № 247.

¹⁶ LUB, X, 304, 309, 325, 327.

¹⁷ LUB, X, 209, 211, 213. В связи с блокадой Новгорода мы узнаем, что война на море происходила и в 1446 г. В указанных документах Орден сообщает, что он отрядил свои суда в устье Невы, чтобы они там патрулировали и захватывали хлеб, привозимый туда для Новгорода. Можно предположить, что появление орденских каперов на Неве вызвало со стороны новгородцев ответные военно-морские мероприятия.

¹⁸ LUB, X, 275, 290.

¹⁹ Состав коалиции, выступившей в 1447 г. против Новгорода (Ливонский орден, Пруссия и Швеция), отмечен в псковских летописях (ПЛ, вып. I, М.—Л., 1941, стр. 48).

в Нарве, куда должны были прибыть вспомогательные отряды из Пруссии, которые посылались на срок до 29 сентября и везли с собой весь требующийся им на это время провиант. Часть отрядов прусского вспомогательного войска двигалась сухим путем через Клайпеду и Ригу, часть должна была сесть в Гданске на корабли и прибыть морским путем через Таллин в Нарву. На этих кораблях везли продукты питания и дополнительное вооружение для войск, двигавшихся по суше²⁰. Из Пруссии шло также огнестрельное вооружение, пушки, а так как ливонские рыцари намеревались взять и уничтожить новгородские каменные крепости Ямагород и Копорье, то по их просьбе из Пруссии был командирован специалист по осадной артиллерии²¹.

Над Новгородом нависла грозная опасность: вновь, как два столетия назад, он один должен был противостоять объединенному натиску немецких «псов-рыцарей» и шведских феодалов. Но новгородцы XV в. сказались достойными потомками новгородцев времен Александра Невского. Большим успехом новгородской дипломатии явилось своевременное восстановление к этому времени нормальных отношений с Псковом, после чего Псков отказался от нейтралитета, который он соблюдал до того времени на основании договора, заключенного им с Орденом на 10 лет в 1443 г., и стал союзником Новгорода в борьбе с ливонскими феодалами²².

Новгородское войско, руководимое князем Александром Васильевичем Черторыйским, подошло в июле к границе и заняло позиции вдоль русского берега Наровы. В числе новгородских военных сил был и флот, состоявший из судов типа лодей.

О военных действиях новгородцев 6 июля 1447 г. у устья Наровы, которые сорвали в самом начале широко задуманный грабительский поход Ордена, мы читаем в «Летописи Авраамки» под 6955 г.: «И приѣха князь Александр Васильевичъ в Великий Новгород, и поиде с Новгородчи к Наровѣ, противо Немець, и стаха на усть Наровѣ у моря, мѣсяца июля въ 3 день, и узрѣша Новгородчи оже Нѣмцѣ на бусахъ и на шнекахъ бѣжаху Наровѣ, и поидоша Новгородчи на лодьяхъ противу ихъ и начаша Новгородчи и с Нѣмци пушками битися и стрѣлятися, и пособи Богъ Новгородчѣмъ, побиша Нѣмецъ много, а инии в морѣ истопоша, и инѣхъ руками поимаша, осмидесять человекъ убиша. А побоище бысть сие мѣсяца июля въ 6 день, въ четверг по обѣдѣ. И поидоша Новгородчи от Наровѣ в субботу по обѣде»²³.

При первом чтении этого текста создается впечатление, что в нем описано только одно морское сражение, в ходе которого с кораблей велась пушечная стрельба. Но сопоставление этого известия с описанием того же события в Псковской летописи позволяет сделать заключение, что здесь речь идет о двух сражениях, происходивших параллельно: во-первых, об артиллерийской перестрелке сухопутных сил «через Нарову реку», как сказано в Псковской летописи, и, во-вторых, о морском бое, в результате которого немцы понесли большие потери, а новгородцы захватили большие трофеи и 84 пленных, в том числе двух крупных орденских начальников: «...Два князя немецкаа яша, и много добытка добыша...»²⁴.

Оба эти сражения упоминаются более или менее подробно и в ливонских источниках. Поражение, нанесенное немцам на воде, произвело в

²⁰ LUB, X, 320, 370, 621.

²¹ LUB, X, 320, 345, 347, 606, 621.

²² ПЛ, вып. 2, М., 1955, стр. 47 под 6952 г., стр. 48 под 6955 г.; LUB, X, 371, 373, 500.

²³ ПСРЛ, т. XVI, СПб., 1889, стр. 190.

²⁴ ПЛ, вып. 2, стр. 137. Псковский летописец все военные действия похода 1447 г. относит к 6956 г., т. е. ко времени позже чем 1 сентября 1447 г. Точные даты «Летописи Авраамки» следует признавать более достоверными, так как они хорошо согласуются с датами большого числа ливонских грамот.

рядах противника большое впечатление, о нем неоднократно упоминается в переписке орденских властей²⁵.

Первое упоминание морского боя в устье Наровы в ливонских источниках мы находим в письме великого магистра Ордена и Пруссии от 8 августа 1447 г., которое является его ответом на полученное в тот же день первичное донесение ливонского магистра о потере в бою двух прусских кораблей с людьми и припасами, принадлежавшими отрядам командорств Балга и Бранденбург²⁶. Само первичное донесение ливонского магистра не сохранилось, но мы имеем очень подробное изложение событий в информационном сообщении великого магистра магистру орденских владений в Германии от 15 ноября 1447 г. В этом документе морское сражение описывается следующим образом: «... Когда первые два наши корабля прибыли к этой самой реке [Нарове.— И. К.] и хотели подняться по ней, то новгородцы собрали там все свое войско и занимали весь берег этой реки. Они имели много кораблей, которые они называют лодьями, а также разные другие виды вооружения. Они подвергли наши корабли серьезной атаке, они били, стреляли и поставили наших в очень тяжелое положение. Но наши люди на этих двух кораблях оказали сопротивление русским и всей силой и добрым оружием отбились от них.

Но за ними шло еще два наших корабля. Когда они хотели войти в ту же р. Нарову, они сели на мель, с которой оба корабля сойти не могли. Когда это увидели русские, они подплыли к ним на своих лодьях с большой силой и сцепились с ними. Наши очень сильно оборонялись, но в конце концов русские одолели их, они с боем ворвались в наши корабли, часть людей убили, а часть взяли в плен, так что мы потеряли около ста человек, а ливонцы сорок, убитыми и пленными»²⁷.

По свидетельству других источников, кроме двух упомянутых прусских кораблей новгородцы в этом бою взяли еще один ливонский²⁸.

Как уже было отмечено, упоминание морского боя и связанных с ним потерь встречается в орденских грамотах сравнительно часто. Это свидетельствует о том, что данное поражение было очень чувствительным для прусских вспомогательных отрядов. На кораблях они потеряли часть своего провианта и артиллерии, а убитые и взятые в плен люди принадлежали к наиболее боеспособной части войска — к тяжело вооруженным орденским рыцарям и их военным слугам. В письме магистра орденскому поверенному в Риме сказано: «...К сожалению, мы потеряли три корабля с грузом и людьми, среди которых много братьев нашего ордена и их слуг...»²⁹. Так как потеря продовольствия снижала в значительной мере боеспособность войска, то прусские власти немедленно предъявили ливонскому магистру требование взять пострадавшие отряды командорств Балга и Бранденбург, корабли которых были захвачены новгородцами, на свое снабжение³⁰. В ряде документов великий магистр называет ущерб, понесенный Орденом, «весьма ощутимым»³¹. Такова оценка результатов морской победы новгородцев в устах противника. Одновременное поражение орденских войск на суше не произвело в Пруссии такого большого впечатления и в орденской переписке упоминается лишь

²⁵ LUB, X, 370, 373, 376, 378, 395, 408, 409.

²⁶ LUB, X, 370.

²⁷ LUB, X, 395.

²⁸ LUB, X, 373, 378. Из немецких историков достаточно подробно описывает это поражение Ордена И. Фойгт, замечая при этом с недоумением, что Н. М. Карамзин не упоминает в V томе своей «Истории государства Российского» Наровской битвы, хотя начало и ход войны он излагает с привлечением прусских архивных материалов. И. Фойгт объясняет это тем, что Н. М. Карамзину, когда он работал в Кенигсбергском архиве, не показали как раз те документы, которые говорили о победе русского оружия (См. Joh Voigt. Geschichte Preussens, Bd. VIII, Königsberg, 1838, S. 141).

²⁹ LUB, X, 373.

³⁰ LUB, X, 370.

³¹ LUB, X, 376, 378, 409.

как «противостояние» войск³². Это можно объяснить как тенденциозностью информации, посылаемой ливонским магистром в Пруссию, так и тем, что потери от морского боя действительно были несравненно больше потерь, понесенных Орденом в ходе сухопутных военных действий.

Рассмотрим теперь дальнейший ход военных событий в кампанию 1447 г. Вскоре после одержанных на море и на суше побед новгородское ополчение было распущено и разошлось по домам³³. Оборона рубежа была предоставлена местным силам под руководством князя Шуйского-Гребенки, бывшего в ту пору служилым князем в Яма-городе.

Нельзя забывать, что феодальный Новгород не ставил себе целью изгнание немецких захватчиков из Прибалтики (эту задачу предстояло разрешить русскому народу, объединенному в единое государство), а частная задача, для которой было собрано ополчение, была решена удачно: орденские полчища, собранные для крестового похода, были настолько ослаблены, что больше не представляли собой жизненной опасности для Новгорода, и для дальнейшей борьбы с ними были достаточны местные силы водских и лужских сельников и ямчан, объединенных вокруг дружины служилого князя. Нужно также учесть, что когда закончились военные действия, был август — время уборки урожая.

Уход новгородского войска дал Ордену возможность реорганизовать свои силы и вторгнуться в пределы Водской земли. В результате тринадцатидневной попытки осадить и взять Яму-город Орден потерпел третье поражение в этом походе³⁴. В сентябре значительная часть прусского вспомогательного войска, согласно условию его присылки, возвратилась в Пруссию. Из военных действий в этот период ливонские источники отмечают лишь обыкновенный рейд отряда ливонских рыцарей, совершенный ими по первому снегу на мирные водские деревни с обыкновенной рыцарской целью: грабить, убивать, жечь и полонить³⁵, а летописи — ответный поход новгородцев «на зиме» за Нарову³⁶. На этом боевые действия закончились. Орден не был в состоянии продолжать свою агрессию дальше. Он вынужден был признать, что длившаяся пять лет война им проиграна, и ему не остается ничего иного, как попытаться заключить мир.

Источники дают возможность проследить, что именно военные поражения, нанесенные Ордену Новгородом в 1447 г., в значительной степени были причиной того, что Орден не мог продолжать войну. Первым стал бить отбой великий магистр в Пруссии. Уже 9 октября 1447 г., узнав от возвратившихся из похода разбитых прусских рыцарей о действительных размерах поражения, он решает, сначала секретно от ливонского магистра, обратиться к шведскому наместнику в Выборге Карлу Кнутссону с просьбой взять на себя посредничество при заключении перемирия между Орденом и Новгородом. В своем послании он выражает разочарование тем, что война затягивается, в то время как он надеялся, что результат военных действий будет другой, и это побуждает его просить Карла Кнутссона способствовать заключению постоянного мира или перемирия на два или три года³⁷. В письме от того же числа, адресованном ливонскому магистру, он рекомендует ему заключить мир, считая это наилучшим, что при таких обстоятельствах может сделать магистр³⁸.

³² LUB, X, 376, 378.

³³ LUB, X, 395, 378; ПСРЛ, т. XVI, стр. 190.

³⁴ Осада Ямы происходила в августе, так как это событие упоминается уже как прошедшее в письме великого магистра от 10 сентября 1447 г. (LUB, X, 378; см. также ПСРЛ, т. XVI, стр. 191).

³⁵ LUB, X, 395.

³⁶ ПСРЛ, т. XVI, стр. 191.

³⁷ LUB, X, 384.

³⁸ LUB, X, 385.

Речь шла о внутреннем положении в Ливонии. Затянувшаяся неудачная война делала невозможной всякую нормальную жизнь. И если торговые города Ливонии уже на своих съездах в 1444 и 1445 гг. советовали магистру заключить мир³⁹, то последние поражения заставили Орден опасаться за свою власть в стране. Такими соображениями и подкрепляет великий магистр свой совет ливонскому магистру принять все меры к скорейшему заключению мира. Он пишет: «... нам сообщили некоторые из наших людей, которые были в вашей стране, что они тайно узнали, что ливонские земли и города⁴⁰ намерены прислать к нам послов с тем, чтобы добиться прекращения войны, которую вы ведете с Великим Новгородом, ибо они недовольны и утомлены ею. Если это не произойдет, т. е. если не будет заключен мир, то они будут вынуждены искать себе другого господина. Также мы узнали, что эти послы, прибыв в нашу страну, намерены образовать с нашими землями и городами союз». Далее великий магистр просит расследовать это дело на месте и всеми силами препятствовать отправке ливонских послов в Пруссию⁴¹.

При таком внутреннем положении и перед лицом союза Новгорода со Псковом⁴², Орден был вынужден закончить войну заключением невыгодного для ливонских феодалов мирного договора, что и отмечено псковской летописью: «В лѣто 6957... и взяша мир на пол третьятъцать лѣтъ съ князем мѣстером ризским и съ его князьями, тако же и с пискоупом юрьевским и с юрьевчи. [А что бяше отняли юриевцы] старинь псковских много... они погании възвратися с стоудом и срамомъ вся старины псковскыа ко Пскову»⁴³.

* * *

Приведенный материал показывает, что параллельное изучение русских и ливонских источников, относящихся к новгородско-орденской войне 1443—1448 гг., дает возможность выяснить с многими существенными подробностями как сам ход военных действий, так и их влияние на внутривосточную обстановку в стане врага. Интересные сведения мы получаем также о снаряжении войск и о применении ими разных видов оружия.

Большое число документов свидетельствует о том, что Новгород в течение этой войны вел боевые действия также и на море, располагая для этого многочисленным флотом. Новгород мог выставить количество морских судов, достаточное, чтобы поднять войско в 2500 человек со снаряжением. Для этого требовалось по меньшей мере 50 лодей, если принять, что лодья брала до 50 человек⁴⁴. Для сравнения вспомним, что на трех захваченных новгородцами в бою орденских судах находилось около 140 рыцарей и их оруженосцев. Эти вражеские суда, по-видимому, были обычными ганзейскими кораблями, которые плавали в то время по Балтийскому морю (они названы словом «бусы», что означало «морские суда»), источники говорят о том, что они приплыли из Гданска⁴⁵. По грузоподъемности, следовательно, они были равны новгородским лодьям.

³⁹ LUB, X, 13, 184.

⁴⁰ «Lande und Steete in Lifflandt». Под термином «Lande» здесь следует подразумевать светских вассалов Ордена (шляхту).

⁴¹ LUB, X, 385. В орденских кругах Пруссии ропот и недовольство вызвала также невыясненная судьба большого числа знатных прусских пленных, взятых новгородцами, которых Ливонский орден не торопился выкупить, о чем ему неоднократно напоминал великий магистр (LUB, X, 446, 460; ПСРЛ, т. XVI, стр. 192).

⁴² На союз Новгорода со Псковом, как на одну из основных причин, делавших невозможным для Ордена продолжение войны, указывает ливонский магистр (LUB, X, 500).

⁴³ ПЛ, вып. 2, стр. 138; ПСРЛ, т. XVI, стр. 192.

⁴⁴ См. История военно-морского искусства, т. 1, М., 1953, стр. 83.

⁴⁵ О значении слова «буса» см. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка..., т. 1, СПб., 1893.

В то время как Новгород в случае необходимости был в состоянии выставить собственный многочисленный флот, его противник, Ливонский орден таковым не обладал и был вынужден прибегать к полунасильственному найму иностранных судов. То большое значение, которое придавали одному лишь известию о новгородских морских приготовлениях как шведы, так и ливонцы, говорит о том, что применение новгородцами своего флота в военных целях не было случайным явлением и что враги хорошо знали, чем грозил им выход в море новгородских кораблей. Об этом красноречиво свидетельствует такая чрезвычайная мера ливонских рыцарей, как задержка ими иностранных судов в Таллине, чтобы любой ценой склонить их к участию в защите орденских владений.

Враги не ошиблись в своей оценке новгородских морских сил. Содержащееся в источниках подробное описание морского боя у устья Наровы свидетельствует об исключительно умелом введении в бой новгородцами своих кораблей. Сухопутные силы и флот применяются в Наровской битве для согласованного решения единой боевой задачи — разгрома собранных Орденом полчищ крестоносцев, в то время как орденские суда в этом случае имели только транспортное назначение, не искали боя, а только оборонялись и пытались уйти. То, что орденские суда не были предназначены для активных боевых действий, видно из требования великого магистра не задерживать в Ливонии суда, перевозившие прусские отряды⁴⁶.

Анализируя сражение, отметим следующие моменты, обеспечившие новгородским кораблям преимущество перед врагом и победу: удачный выбор места для боя (равная возможность использовать как открытое море, так и запутанные протоки среди песчаных отмелей речного устья) и сосредоточение в этом месте превосходящих сил; полную неожиданность появления новгородских лодей для врага; стремительность их атаки; искусное маневрирование, которое позволило легким и подвижным русским судам свободно действовать там, где имевшие большую осадку вражеские корабли сели на мель; согласованность действий и быструю перестройку в зависимости от изменявшейся боевой обстановки (отказ от дальнейшего преследования первых двух орденских кораблей и атака всеми силами судов,севших на мель), стремление сойтись с вражеским кораблем борт к борту и решить исход боя взятием его на абордаж⁴⁷. Не последнюю роль сыграли в этой битве и новгородские пушки, удачно примененные в качестве судовых и береговой артиллерии.

Орденские документы свидетельствуют, что морское поражение Ордена в самом начале похода, когда враг, собрав все свои силы, намеревался одним ударом решить исход войны в свою пользу, нанесло ему не только чувствительный материальный ущерб, но и оказало исключительно сильное моральное воздействие. Это дает нам право считать, что умелое применение морских сил новгородцами, согласованное с действиями сухопутного войска, было одним из главных военных факторов, обеспечивших победу Новгорода над Орденом в войне 1443—1448 гг.

Боевая деятельность новгородцев на Балтийском море в XV в. происходит на иной, качественно более высокой ступени, чем та, на которой она протекала до XIII в. Теперь боевые действия новгородского флота организовывались уже не отдельными группами феодалов или отдельными землями, входившими в состав Новгородской республики, а новгородским правительством, боевой флот являлся частью новгородского ополчения, служил интересам всего Великого Новгорода, обороняя его земли от нашествия западных агрессоров.

⁴⁶ LUB, X, 333.

⁴⁷ Ср. В. В. Ма в р о д и н. Начало мореходства на Руси, стр. 139, и Н. П. За го - с к и н. Русские водные пути и судовое дело в донетровской России, Казань, 1910, стр. 368 (где дано описание тактики морского боя в древней Руси).

После включения Новгорода в состав Русского централизованного государства московское правительство продолжило использовать новгородские морские силы для борьбы с немецкими захватчиками в Прибалтике, о чем свидетельствует ряд ливонских грамот. Так, в 1496 г. магистр сообщает Таллину, что в Нарову должны прибыть 150 людей с людьми и снаряжением, чтобы восстановить разрушенный шведами Ивангород ⁴⁸. В 1497 г. один из орденских начальников сообщает со слов шкипера торгового корабля, плававшего в устье Невы, что на Неве находилось много людей, а в деревнях и на полях лагерем стояло много воинских людей, на вооружении которых были также и пушки. Говорили, что войско и корабли были собраны для похода на Нарву и в Ливонию ⁴⁹. О такой же мобилизации мы узнаем из переписки города Нарвы, датированной июлем 1502 г. Русские военные власти собрали тогда большое количество людей и лодок, чтобы направить их в район предстоящих военных действий — к Нарве. На этот флот, кроме того, возлагалась задача перевезти из-под Выборга к Нарве артиллерию (Выборг непосредственно перед этим подвергся осаде русских войск) ⁵⁰.

В июле 1502 г. в устье р. Наровы сложилась ситуация, очень сходная с той, которую мы наблюдали в 1447 г. Только на этот раз дело не дошло до морского сражения, а ограничилось лишь блокадой Нарвы со стороны моря русскими судами. В виду предстоящей осады города Нарвы из Таллина было послано туда несколько кораблей с провиантом и необходимым снаряжением. Этим кораблям удалось еще до подхода русских морских сил доплыть до города Нарвы, где они были разгружены ночью, так как днем этому препятствовал обстрел с русского берега Наровы. Но вернуться в Таллин эти корабли уже не могли, потому что в Нарве было получено известие, что на р. Луге (Луга соединяется с устьем Наровы судоходным притоком Россоной) сконцентрировано около 2 тыс. русских воинов с большими лодками, которые ждут выхода в море возвращающихся немецких кораблей, чтобы захватить их. Не рассчитывая на благоприятный для своих судов исход предстоящего морского боя, нарвские власти решили снять с кораблей артиллерийское и парусное вооружение и оставить их на приколе под Нарвой, пока не минует опасность ⁵¹. Все это говорит о том, что и на рубеже XV—XVI вв. в войнах, которые вело с Ливонским орденом Русское государство, на новгородские корабли в составе русских вооруженных сил возлагалось выполнение военно-транспортных и боевых заданий, что они представляли собой для врага грозную силу, с которой ему приходилось считаться.

Боевые действия новгородских кораблей при обороне русских земель от агрессии западных захватчиков — славная страница истории русского флота.

⁴⁸ Liv-, est-und kurländisches Urkundenbuch, 2. Abteilung, hrsg. von L. Arbusow, Bd. I—III, Riga, 1881—1909 (Далее — LUB, 2. Abt.), Bd. I, 410.

⁴⁹ LUB, 2. Abt., Bd. I, 544.

⁵⁰ LUB, 2. Abt., Bd. II, 332.

⁵¹ LUB, 2. Abt., Bd. II, 332, 336.

